

Шэньту Цян ответил, что ему нужно подумать.

Гань Буго и не ждал сиюминутного согласия. Слишком лёгкое «да» было совсем не в характере Шэньту Цяна. Не будь он столь осмотрителен, вряд ли смог бы сплотить людей и провести их сквозь весь этот кошмар постапокалипсиса.

Тем же вечером они устроили небольшое совещание.

А Гань Буго полночи провозился с их одеждой. Он умудрился подлатать и обновить каждую вещь: выпорол старый, свалевшийся наполнитель, набил куртки свежей ватой, срезал поношенную, истрепавшуюся кожу и заменил её новой. К счастью, руки у него росли из нужного места. В детстве из чистого любопытства он перенял у матери основы шитья — по крайней мере, мог пришить пуговицу, раскроить одеяло или ровно распределить вату в подкладке.

Конечно, настоящим мастером его назвать было нельзя — так, базовые навыки. Кроить и шить одежду он научился лишь в последние годы, так что выходило довольно неказисто, весьма средненько.

Зато в его Пространстве Всеобщего Жизнерождения громоздились целые горы разнообразных тканей — запасы, которые он собирал по пути. Одному ему столько в жизни не израсходовать. К тому же в Пространстве вещи не портились: время там замерло, и всё, что туда попадало, сохраняло свой первозданный вид. Потрясающее место.

На следующий день погода наконец расщедрилась: небо прояснилось, выглянуло солнце. Ослепительный свет заливал бескрайнюю снежную белизну, от которой резало глаза.

Гань Буго понимал, что задерживать гостей нельзя — время у Шэньту Цяна и его людей было на вес золота. Поэтому, пока шеф-повар Пан колдовал над завтраком, Гань Буго принялся доверху забивать их машины припасами.

Он отсчитал ровно сотню прессованных блинов выдержанного пуэра — каждый весом по два цзиня.

Добавил десять цзиней самого обычного зелёного чая, десять цзиней красного и ещё десять — с ароматом жасмина. Туда же отправились пятьсот плодов луохангуо, пятьсот упаковок чая из семян стеркулии, столько же пакетиков цветочного чая «Восемь сокровищ» и двадцать больших мешков сушёной хризантемы.

Вдобавок он втиснул в кузов пятьсот цзиней сухофруктов, пятьсот цзиней цукатов из кумквата и пятьсот цзиней разнообразных конфет.

Сверху легли без малого два десятка рулонов ткани, пятьсот цзиней чистой ваты, огромный

набор из тысячи швейных игл и несколько плотных мотков чёрных и белых хлопковых ниток. Всё это Гань Буго погрузил втайне от гостей, тихонько прикрыв за собой дверцу машины.

Пусть будет для них приятным сюрпризом в дороге.

На завтрак Лао Пан расщедрился на славу — приготовил почти полсотни порций нежнейшего парового омлета.

Гань Буго, увидев это великолепие, прямо-таки загорелся любопытством:

— Как у тебя получается такой омлет? Сколько ни бьюсь, у меня вечно выходит какая-то ерунда.

Шеф-повар Пан охотно поделился профессиональным секретом:

— Секрет простой: яйца нужно разводить тёплой водой, а готовить строго на пару в кипящей воде.

Завтрак оказался невероятно сытным. Главным блюдом стала горячая лапша в наваристом, ароматном бульоне — причём Лао Пан вытянул её вручную!

К лапше подали добрый десяток закусок: шпинат с арахисом, пикантную картофельную соломку, хрустящий салат из сельдерея. Всё было настолько вкусным, что тарелки опустели в считанные минуты.

Пока бойцы наводили порядок на кухне, Гань Буго незаметно проскользнул к машинам. В один снегоходный вездеход он загрузил целую гору свежей зелени, в другой — мешки с сушёными овощами.

Фруктов он положил совсем немного — свободного места в багажниках попросту не осталось. Да и экзотикой рисковать не стал: набрал привычных яблок, груш и мандаринов, которые сам ел чаще всего. Они были крепкими и легко переносили тряску в пути. Нежные персики или сливы такую дорогу точно бы не пережили.

Люди Шэньту Цяна отличались строгой дисциплиной. Закончив с уборкой, они начали натягивать верхнюю одежду и сразу же замерли от удивления.

— Командир! — приглушённо воскликнул один из бойцов. — Гляди-ка! Кто-то полностью обновил наши куртки.

На самом деле добротная одежда у них имелась, вот только носить её в рейды никто не решался. Во-первых, во время охоты вещи легко было порвать в клочья, поэтому за пределы

базы всегда выезжали в самом потрёпанном обмундировании. Во-вторых, каждый втайне держал в голове мрачную мысль: если суждено погибнуть в пустоши, пусть хорошая одежда останется дома, её сможет носить кто-то другой.

Гань Буго вернулся как раз в тот момент, когда бойцы полностью экипировались и приготовились к погрузке.

— В добрый путь, — напутствовал он их. — Будьте осторожны на дорогах. Метель утихла, небо прояснилось, снегопада больше нет — самое время возвращаться.

Шэньту Цян внимательно посмотрел на него:

— Спасибо. Береги себя. До встречи.

— До встречи! — Гань Буго небрежно махнул рукой на прощание.

Вот и попрощались.

Шэньту Цян, как и при их подъёме, возвёл массивную ледяную эстакаду, по которой тяжёлые снегоходные вездеходы плавно спустились вниз.

Как только колёса коснулись земли, он взмахом руки обрушил ледяные мосты и ступени. Теперь ни один хищник не смог бы взобраться наверх. Обитель Гань Буго вновь погрузилась в безмолвное, гордое одиночество.

Отряд двинулся в путь. Семь грозных бронированных снегоходных вездеходов упрямо прокладывали глубокую колею в нетронutom снегу. Однако стоило налететь порыву ветра, как снежные вихри начали стремительно заметать их следы.

Гань Буго долго стоял на краю обрыва, провожая взглядом удаляющуюся колонну, пока машины полностью не скрылись из виду.

Шэньту Цян так и не обернулся. Он даже не догадывался, что за ними наблюдают до самого горизонта.

Лишь вечером, когда отряд остановился на ночлег в укрытии, шеф-повар Пан заглянул в грузовые отсеки и обомлел от увиденного.

— Командир! — Лао Пан спешно разыскал Шэньту Цяна и отвёл его к машинам, показывая

невероятное богатство. — Посмотри сюда... Это же всё господин Гань нам положил!

— Вижу, — негромко отозвался Шэньту Цян. Его сердце пропустило удар от изумления.

Постапокалипсис стал суровым испытанием для человеческой природы. Времена изменились, но простые люди на самом дне по-прежнему влачили жалкое, полуголодное существование.

Шэньту Цян повидал немало дерьма за эти годы. Он помнил, как за кусок чёрствого хлеба мужья предавали жён, а отцы поднимали руку на сыновей. Видел, как вчерашние верные друзья перерезали друг другу глотки ради ошмётков снаряжения. Даже в его Граде Льда и Снега сейчас не хватало самого необходимого — тёплой одежды и еды.

А Гань Буго просто взял и отдал им всё это. И не только тёплые вещи и овощи, но и невероятно ценный, редкий чай.

Шэньту Цян промолчал, с трудом справляясь с эмоциями. А шеф-повар Пан, воодушевлённый такой щедростью, приготовил на ужин настоящий пир по меркам сурового похода.

После сытной трапезы бойцы установили дежурство. По расчётам, уже к следующему вечеру они должны были добраться до Града Льда и Снега.

Наутро, наспех позавтракав, они не стали терять времени — благо, погода благоприятствовала. Колонна на полной скорости устремилась домой и уже к сумеркам прибыла к стенам родного города.

Когда-то здешние края звали «Северной житницей» — богатые, плодородные земли кормили половину страны. Теперь же на всём бескрайнем севере высился лишь одинокий Град Льда и Снега, окружённый мёртвой, заледенелой пустыней.

В прошлом это место было крупнейшей базой выживания на севере. Огромные крепостные стены выстроили из прочного чёрного камня — они вздымались ввысь почти на сотню метров. Тяжёлые, неприступные ворота надёжно защищали вход, а веером расходящиеся оборонительные форты и бастионы с высоты птичьего полёта напоминали очертания гигантской снежинки. Из-за этого сходства крепость и получила своё название — Град Льда и Снега.

На севере зимы всегда отличались свирепым нравом. Стоило наступить холодам, как всё живое погружалось в глубокое оцепенение под гнётом экстремального мороза. В суровые годы апокалипсиса зимой здесь не встречали ни одного ходячего мертвеца: едва твари приближались к стенам, бушующий ледяной ветер мгновенно превращал их плоть в хрупкие, коченеющие осколки.

Лишь кладка из чёрного камня могла противостоять такому яростному натиску стихии, из года

в год оберегая жизнь за своими рубежами.

От многомиллионного населения когда-то процветающего края уцелело от силы сто тысяч. Детей среди них насчитывалось меньше десяти тысяч, да и стариков осталось примерно столько же.

Около тысячи сирот и полтысячи одиноких пожилых людей жили в местном приюте. Под него приспособили бывшие общежития крупного завода — просторные кирпичные корпуса с множеством отдельных комнат.

В Граде Льда и Снега теперь было просторно. Огромная территория пустовала, поэтому многие жители разбивали прямо во дворах небольшие огороды, пытаясь вырастить хоть какую-то зелень, чтобы хоть немного разнообразить скудный рацион и облегчить бремя нехватки продовольствия.

Отряд градоправителя отправился на охоту за мутировавшими полярными медведями, но из-за сильной бури задерживался уже на пять дней сверх намеченного срока. В городе росло глухое беспокойство.

На стене, съёжившись от холода и прижавшись друг к другу, несли вахту двое часовых. Вглядываясь в серую мглу, один тихо спросил:

— Сколько уже нашего градоправителя нет?

— Почти полмесяца, считай, — отозвался напарник, потирая замёрзшие ладони.

Несмотря на то, что эпоха зомби осталась позади, расслабляться не приходилось. Живые мертвецы исчезли, но им на смену пришли свирепые мутанты.

В тёмные времена нашествия разъярённых тварей и волны мертвецов были главными кошмарами человечества. Добавьте к этому аномальный холод — и получите полный список бедствий постапокалипсиса. Град Льда и Снега уцелел чудом, и выжившие дорожили каждым мирным днём в своей цитадели.

— Хоть бы вернулись целыми, — вздохнул первый часовой. — Пускай даже с пустыми руками, лишь бы живые...

В этот момент его напарник резко подался вперёд, всматриваясь в заснеженную даль:

— Гляди! Вон там, на горизонте! Двигается что-то... Не наши ли?

— Точно! Машины градоправителя! — закричал часовой, радостно подпрыгивая на месте. —

Быстрее, бей в колокол! Зови людей!

После катастрофы все современные средства связи превратились в бесполезный хлам. Жителям пришлось вернуться к старым проверенным методам. На главной сторожевой башне крепости висел массивный колокол, чей гулкий звон разносился на многие километры вокруг.

В этот раз тяжёлый язык колокола ударил о бронзу ровно девять раз.

Девять ударов — исключительная почесть, предназначавшаяся только градоправителю. Даже его заместителю полагалось лишь восемь.

Горожане затаив дыхание считали удары. На девятом звоне улицы взорвались восторженными криками: градоправитель вернулся!

Тяжёлые кованые ворота с глухим скрежетом поползли в стороны. Стоило колонне вкатиться под своды крепости, как створки тут же намертво заперли за ними.

Возвращение Шэньту Цяна мгновенно развеяло туман тревоги, висевший над городом. Повсюду гремели радостные голоса.

— Градоправитель! — навстречу им торопливо бежал старый руководитель.

Этот пожилой вице-градоправитель после пережитых мутаций внезапно омолодился и теперь щеголял не по годам гладким круглым лицом, которое никак не вязалось с его солидным и строгим характером. Подойдя ближе, он с волнением спросил:

— Наконец-то вы дома! Как всё прошло? Успешно?

— Всё в порядке, — ответил Шэньту Цян, спрыгивая с подножки снегоходного вездехода. — И добыча отличная, и припасов раздобыли.

Тем временем Лао Пан с помощниками распахнули грузовые отсеки, до отказа забитые коробками и тюками. Но когда толпа разглядела привязанную к крыше тушу исполинского мутировавшего полярного медведя, по площади прокатился единодушный вздох изумления.

Старый руководитель недоверчиво уставился на тёмно-коричневый блин прессованного пуэра, который протянул ему Шэньту Цян:

— Откуда это богатство?

— Наткнулись на одно примечательное место, — усмехнулся Шэньту Цян. — Вы у нас знаток,

толк в хорошем чае понимаете лучше любого из наших оболтусов. Оцените-ка качество.

До катастрофы старый руководитель давно был на пенсии: целыми днями возился с цветами, ухаживал за певчими птицами да не спеша попивал чай. Правда, баловал себя только по утрам — после полудня пить опасался, чтобы не мучиться потом бессонницей всю ночь.

Сам Шэньту Цян и его бойцы в таких тонкостях не смыслили. Для них существовал только красный да зелёный чай, ну ещё цветочный. Тот же улун от обычного красного они бы ни за что не отличили.

Да и откуда молодым парням разбираться в искусстве чаепития? В мирные годы молодёжь предпочитала обычную воду, на посиделках глушила газировку, а по утрам пила молоко. Если нужно было не спать всю ночь — заваривали крепкий кофе.

На холодном севере чайные кусты сроду не росли, что уж говорить о кофейных зёрнах. Старые запасы колы давно превратились в достояние истории — за столько лет любой подобный продукт неизбежно испортится.

— Изумительный блин, — выдохнул старый руководитель, бережно ощупывая плотную поверхность и пытаясь разобрать полустёртые иероглифы на обёртке. — Выдержка никак не меньше десяти лет. А то и все пятнадцать, если не двадцать. Пуэру время только на пользу, если хранить в сухости. У нас ведь чая почти не осталось... Сколько вам удалось привезти?

Шэньту Цян жестом показал примерное количество и назвал цифру. Старик расплылся в счастливой улыбке и крепко прижал чайный блин к груди:

— Ну всё, этот я забираю себе!

Таких запасов действительно хватило бы, чтобы устроить щедрое праздничное чаепитие для каждого жителя изголодавшегося города.

<http://bllate.org/book/18997/1899857>